

в Европу, ссылаясь, впрочем, в примечании не на Киреевского, а на Альгаротти.¹²

Так же как и Белинский, Ив. Киреевский рассматривает Новгород и Псков как историческую случайность. «У нас также были Новгород и Псков; но внутреннее устройство их (занятое по большей части из сношений с иноземцами) тогда только могло бы содействовать к просвещению нашему, когда бы ему не противоречило все состояние остальной России. Но при том порядке вещей, который существовал тогда в нашем отечестве, не только Новгород и Псков должны были быть задавлены сильнейшими соседями, но даже их просвещение, процветавшее столь долгое время, не оставило почти никаких следов в нашей Истории, — так несогласно оно было с целою совокупностью нашего быта».¹³

Мысли Чаадаева о древней Руси и о России в целом обнаруживают черты сходства с мыслями славянофилов: «...мы заимствовали первые семена нравственного и умственного просвещения у растленной, презираемой всеми народами Византии».¹⁴ Он подчеркивает крестьянский, деревенский характер древней Руси: «Мир пересоздавался, а мы прозябали в наших лачугах из бревен и глины».¹⁵ Он отмечает азиатскую созерцательность: «Всегда поражала меня эта немота наших лиц».¹⁶ В письме к А. И. Тургеневу он подчеркивает стихийность, бессознательность русской истории: «Мысль разрушила бы нашу историю, кистью одною можно ее создать».¹⁷ Он подчеркивает отъединенность русской истории: «Уединившись в своих пустынях, мы не видали ничего, происходившего в Европе. Мы не вмешиваемся в великое дело мира».¹⁸

Чаадаев перенес распространенную в его время характеристику древней Руси на всю Россию, в том числе и на современную ему, и придал ей резко отрицательное значение. В этом было одно из существенных отличий его взглядов на древнюю Русь от взглядов славянофилов.

Мы не обсуждаем сейчас интереснейшей, важной и далеко еще не оцененной по достоинству философской позиции славянофилов и их общественных воззрений, однако в своих воззрениях на древнюю Русь они были мало оригинальны. Более того, они мешали открытию ценностей искусства и литературы древней Руси и их подлинному пониманию.

Неудивительно, что представления о древней Руси как о крестьянском царстве, в котором и верхи, и низы общества жили одной и той же малоподвижной и в общем низкой культурой, были широко распространены и за пределами славянофильства. В частности, они проникли и в немецкие истории всеобщих искусств: Куглера, Э. Ферстера, Шназе. Эти истории искусств переводились затем на русский язык, и здесь эти ограниченные представления возвращались на родную почву — в Россию, но уже с ярко выраженной враждебной к русской культуре окраской. С этими взглядами боролся еще Буслаев, но отрицательное отношение к древнерусскому искусству и непонимание древнерусской культуры продолжало чувствоваться долго.

¹² «Альгаротти где-то сказал: „Petersborug est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe“» (примечание Пушкина к «Медному Всаднику»).

¹³ И. В. Киреевский. Девятнадцатый век. — Полн. собр. соч. в двух томах, т. 1, стр. 99.

¹⁴ Письмо первое. — В кн.: П. Чаадаев. Философические письма. Казань, 1906, стр. 12.

¹⁵ Там же, стр. 13.

¹⁶ Там же, стр. 10.

¹⁷ П. Я. Чаадаев. Сочинения и письма, т. I, М., 1913, стр. 216.

¹⁸ Письмо первое. — В кн.: П. Чаадаев. Философические письма, стр. 13.